

**• CHARLES •
MARTIN**

MAGGIE

**• ЧАРЛЬЗ •
МАРТИН •**

**ГДЕ ЖИВЕТ
МОЯ ЛЮБОВЬ**

Москва
2019

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М29

Charles Martin

MAGGIE

Copyright © 2006 by Charles Martin
Published by arrangement with Thomas Nelson, a division
of HarperCollins Christian Publishing, Inc.

Перевод с английского *Владимира Гришечкина*

Художественное оформление *Анастасии Ивановой*

Мартин, Чарльз.

М29 Где живет моя любовь / Чарльз Мартин ; [перевод с английского В. Гришечкина]. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-04-104691-0

Когда семнадцать месяцев назад, в канун Нового года, Мэгги открыла глаза, я почувствовал себя так, словно прозрел. Опустившись на колени, я протянул к Мэгги руку и больше уже не сдерживал ни слез, ни крупной дрожи, сотрясавшей мое тело. Я плакал как ребенок. И Мэгги тоже. Довольно долгое время мы были не в силах произнести ни слова. Да и что сказать? С чего начать?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-104691-0

© Гришечкин В. Перевод на русский язык, 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Посвящается Кристи,
которая стояла рядом и **верила***

Глава 1

Рассвет был уже совсем близко, когда я услышал *это*. Казалось, будто в нескольких дюймах от моего лица мышь тащит по деревянному полу сухую хлебную корку. Через несколько секунд звук переменялся, теперь он напоминал тот нестройный шум, который производит перед началом концерта оркестровая духовая группа. Не успел я об этом подумать, как характер звука снова стал другим. Сначала он был похож на громкое мурлыканье кошки, разнежившейся на нагретом солнцем крыльце, а потом зазвучал как негромкий храп женщины, которая больше четырех месяцев пролежала в коме и еще не успела обрести былой тонус горловых мускулов.

За последние несколько месяцев я успел полюбить этот звук — свидетельство полного покоя и приятных сновидений. И производить его мог только один человек — моя жена, которая спала рядом со мной. Моя Мэгги. Сейчас она дрыхла, как говорится, без задних ног, храпя что твой боцман, а я лежал тихо, притворяясь, будто тоже сплю, а сам прислушивался к этому храпу и улыбался про себя. Если бы Мэгги узнала, что я слышал, как она храпит, то, наверное, умерла бы со

стыда. «Я *никогда* не храплю! Имей это в виду, Дилан Стайлз!!!»

Непроизвольно я начал дышать в одном ритме с ней, вдыхая как можно глубже и выдыхая как можно медленнее. Лунный свет наполнял комнату призрачным серо-голубым сиянием: полная луна стояла высоко и светила прямо на Мэгги, словно божий прожектор. По ее накрытой легким одеялом фигуре разливался жемчужный свет, и мне захотелось окунуть в него руки. Сейчас Мэгги была совершенно неподвижна, хотя обычно она каждую ночь кувыркалась на кровати, точно выброшенная на песок рыба. Лишь ближе к утру она успокаивалась и затихала. Распластавшись на простынях, Мэгги разбросала руки и ноги во всю ширину кровати, привыкнув иметь ее в своем полном распоряжении за долгие месяцы пребывания в больнице. Я кое-как примостился на крохотном свободном пятачке. Моя голова наполовину свешивалась с края матраса, одеяла мне и вовсе не досталось, но меня это нисколько не трогало. А если бы трогало, мне следовало бы дать такого пинка, чтобы я улетел отсюда прямо в середину будущей недели. Как я мог переживать из-за одеяла, если Мэгги, моя Мэгги, была рядом, если от нее снова исходил легкий аромат ее любимой «Вечности»¹, а ее руки только что обнимали меня?

Все в мире было совершенно, все пребывало в гармонии.

Около четырех часов утра Мэгги повернулась на бок, потянулась, как Блу, и снова обвила меня руками и ногами, словно осьминожек. Ее волосы рассыпались по моей груди, точно щупальца. За прошедшие неде-

¹ «Вечность» («Этернити») — популярные духи. (*Здесь и далее — примеч. перев.*)

ли они отросли и падали ниже плеч: длинные, блестящие, они были словно созданы для рекламы шампуней. Что касается меня, то в преддверии наступающей летней жары и долгих часов на тракторе я постригся очень коротко, так что моя шея была открыта палящему солнцу, пыли и грязи. Мэгги стригла меня сама — стригла и кивала с довольным видом, а я думал о том, что точно так же кивал мой дед, когда стриг меня перед летом.

Мэгги снова пошевелилась и приподняла лицо, так что мы едва не соприкоснулись носами. Теперь один и тот же воздух попеременно наполнял то ее, то меня. Грудь Мэгги легко поднималась и опускалась, кожа была теплой и сухой. И как будто для того, чтобы никто и ничто не могло сдвинуть ее с ее места, она закинула мне на живот согнутую, как лодочный якорь, ногу, одной рукой обняла меня за плечи, а другой крепко вцепилась в матрас.

Медленно, неохотно я выпутался из этой ловушки, накрыл одеялом ее обнажившееся плечо, убрал за ухо прядь волос и отправился на кухню, чтобы раскопчегарить наш старый перколятор. Блу вышел следом за мной и, потянувшись, встал у сетчатой противомоскитной двери, уткнувшись носом в щеколду. Он знал, как ее открыть, но с тех пор, как вернулась Мэгги, Блу разленился и теперь с выжидательным видом косился на меня.

Я взглянул на него, и треугольные уши Блу слегка поникли.

— Слушай, приятель, — сказал я, показывая в направлении спальни. — Это ведь она, а не ты пролежала несколько месяцев в коме. Давай-ка сам...

Блу тихонько заскулил, поднял носом щеколду и метнулся с крыльца на улицу.

Пока перколятор хрипел и плевался, исполняя мою любимую симфонию пробуждения, я вышел на веранду, чувствуя себя так, словно в моей жизни начинался новый, важный этап. Небо посветлело и было совершенно безоблачным. На фоне розовеющего восхода в ветвях стоявших над рекой и над могилой моего сына деревьев виднелись большие черные пятна — там устроилась на ночлег стая диких индеек. Ни могилы, ни реки мне не было видно, но если с миром не произошло никакой катастрофы, она по-прежнему неспешно текла за обрывом, напоая влагой землю Южной Каролины и наполняя жизнью меня.

Прямо передо мной, словно молчаливые часовые, стояли ряды кукурузы, вымахавшей уже выше шести футов. С востока тянуло легким ветерком, и высокие стебли, чуть слышно лепеча, дружно покачивались из стороны в сторону. Мои глаза, понемногу приспосабливаясь к неверному утреннему освещению, различали десятки оттенков черного, серого и зеленого, и от этого кукурузные стебли казались похожими на тонкие, изящные руки, которые приветственно машут высокому небу. Дед однажды сказал мне, что фермеры — дирижеры земных хоров, которые поют осанну Небесам. Мне потребовалось несколько лет, в течение которых я почти не слезал с тракторного сиденья, чтобы понять, что он имел в виду.

Скоро стало так светло, что я начал разбирать буквы на латунной табличке, установленной у высаженных в ряд молодых розовых кустов. Впрочем, я и так знал, что там написано. «Лучший в мире сад». Это было мое обещание и моя клятва Мэгги. Сейчас, глядя на табличку, я покачал головой и улыбнулся, вспоминая ту эйфорию, которая владела мною после

того, как моя жена вышла из комы. Я был уверен, что ничего подобного мне больше никогда не испытать.

А между тем вокруг нашего дома множились и множились неопровержимые признаки того, что Мэгни жива, что она пришла в себя и вернулась ко мне. Наш небольшой двор зеленел, как настоящий английский сад. На каждой клумбе, на каждом свободном от травы клочке земли цвели и благоухали камелии, розы, гардении, глицинии, ирисы, ароники, агафанты и даже орхидеи. С наслаждением втянув носом напеченный ароматом воздух, я подошел к краю веранды, чтобы взглянуть на наше хлопковое поле. На высаженных рядами кустах понемногу набухали бутоны. Стоял только май, следовательно, цветов следовало ждать не раньше середины июня, но и это, как многое в нашей жизни, зависело от дождя. Высотой уже почти по пояс, кусты хлопчатника были последними из растений, которые собирались порадовать нас яркими красками. Я имею в виду не сам хлопок, вылезаящий из раскрывшейся коробочки, а предшествующие ему маленькие белые цветы, возвещающие всему миру об окончании весны, о приходе лета, о скором рождении знаменитого «белого золота» и о начале периода тяжелой работы. Судя по размерам бутонов, ожидать этого следовало недели через две.

Подпрыгнув, я схватился обеими руками за стропило веранды и некоторое время стоял, едва касаясь пола пальцами и слегка покачиваясь вперед и назад. Я смотрел на бутоны хлопчатника, мечтал о том времени, когда они выпустят белоснежные лепестки цветов, и восхищался жизнью, которую мне посчастливилось вести. Каждый прожитый день приводил меня в восторг.

Пару раз подтянувшись на стропиле (и вспомнив, что я уже не так молод, как когда-то), я спустился с крыльца и, обогнув розы, прошелся туда и обратно вдоль хлопковых кустов. Ветки с тяжелыми бутонами мягко били меня по коленям, а песчаная почва, забивавшаяся между пальцами, напомнила мне месяц, который мы с Мэгги провели в Чарльстоне, на побережье. Я поднял голову, закрыл глаза (перед моими глазами все еще стояли последние гаснущие звезды), широко раскинул руки и глубоко вдохнул, до предела наполнив легкие свежим, прохладным воздухом. Скажу по секрету: зевать на собственной плантации — одно из изысканнейших удовольствий, доступных только фермерам.

Был у меня и еще один секрет. Помимо распускающихся или уже распустившихся цветов, помимо улыбки, которая каждый день освещала лицо Мэгги, я заметил и кое-что еще. Это был старый невидимый друг, который вновь поселился в нашем доме. Вскоре после катастрофически закончившихся родов он исчез, но, едва прослышав, что Мэгги вернулась домой, поспешил сделать то же самое. Произошло это, впрочем, не вдруг, не сразу. Поначалу я замечал только его быстрый промельк в дверях или слышал легкий шорох его присутствия, но поговорить с ним мне не удавалось. Он пробыл в доме почти неделю, прежде чем я сумел загнать его в угол в нашем старом амбаре. Когда я попросил его остаться, старый друг ничего не ответил — только перенес свое имущество на лопасти старого потолочного вентилятора и устроил себе гнездо на стропилах.

Я со своей стороны старался сделать все, чтобы наш приятель чувствовал себя как можно уютнее, потому что с собой он принес аромат гардений, цветы

магнолий, горячие ванны, прохладный пот и заливи- стый, от души, смех. Он танцевал на крыше чечетку, распевал под дождем, ночами напролет слушал пла- стинки Дина Мартина и Фрэнка Синатры, а то принима- лся хихикать без всякой причины. Каждый вечер он спускался со стропил или с вентилятора, на лопастях которого катался, точно на карусели, и осторожно ло- жился Мэгги на плечи. Какое-то время спустя он с ней уже не расставался, направляясь туда же, куда и она, и это было очень, очень хорошо.

Вернувшись к дому, я прижался носом к оконному стеклу и стал смотреть на Мэгги, распростершуюся на кровати всего в нескольких футах от меня. Ее гла- за под опущенными веками беспокойно двигались из стороны в сторону, а указательный палец на правой руке шевелился, словно она стенографировала очень быструю речь. Да, подумал я, наша жизнь совершила крутой зигзаг, но ничто, за исключением разве самой смерти, не могло заставить Мэгги отказаться от мечты о ребенке. Это было понятно и по тому, как старательно она перекрашивала стены детской, и по тому, как часто она проводила рукой по следам зубов, оставшихся на перекладине нашей подержанной дет- ской кровати, и по тому, как нетерпеливо она будила меня среди ночи, если ее внутренние часы сообщали: настало подходящее время для зачатия. Наверное, в этом отношении Мэгги ничем не отличалась от боль- шинства женщин. Она мечтала о благополучных родах, волновалась о том, как приехать в родильное отделение вовремя, как правильно тужиться, о том, чтобы я был рядом и помогал ей вести счет. Она меч- тала, как будет смотреть поверх своего разбухшего живота на лицо акушера, ожидающего, когда в родо- вом канале появится головка младенца. Боль, кровь и

пот ее не пугали — Мэгги думала только о том, как услышит его первый крик, как врачи протянут ей нашего ребенка с еще не удаленной пуповиной и как я эту пуповину отрежу, чтобы она смогла, наконец, прижать его к груди и почувствовать, как он дышит, как сосет молоко, как упирается в еще влажную от испарины кожу крохотными морщинистыми кулачками, которые так искусно сотворил Господь. И еще Мэгги мечтала о том, как младенец откроет глаза, и первым человеком, которого он увидит, будет она — его мать. Наверное, больше всего на свете ей хотелось именно этого — быть матерью, чувствовать, что в ней нуждается крохотное, беспомощное существо и в ответ отдавать всю себя, отдавать бескорыстно, без остатка, как она всегда умела.

Я, однако, знал, что характер моей жены только кажется простым, что на самом деле она — человек чуткий и тонкий и что одним этим ее мечты не ограничиваются. Едва ли не больше всего она мечтала о том, чтобы оторвать от своей порозовевшей груди это мокрое, скользкое, все еще покрытое беловатой слизью существо, которое, несомненно, будет очень похоже на меня, и протянуть его мне — передать через время и пространство и вложить в мои трясущиеся руки. Она мечтала увидеть, как засветится мое лицо, когда я буду укачивать нашего сына или дочь — мечтала наконец-то отдать эту часть себя мне.

Что касается меня, то я тоже хотел ребенка, и чем дальше — тем сильнее. Мэгги насадила это желание в моей душе, будто семя; она заботливо поливала его — и ждала. Впервые я осознал это желание как свое собственное месяцев двадцать назад. Это произошло в тот день, когда я опустил небольшой гробик нашего первенца в могилу под дубами. Должен признаться,

что чувство, которое я тогда испытал, было совершенно новым и странным. И неожиданным. Откровенно говоря, я даже не знал, что мне с ним делать.

Да, конечно, я чувствовал себя виноватым — кто на моем месте не чувствовал бы? — и в то же время я твердо знал, что должен попробовать еще раз. Мне хотелось быть отцом, и я хотел, чтобы и Мэгги стала матерью. Я хотел, чтобы мы делили связанные с этим радости и горести, трудные времена и счастливые времена. Мне хотелось строить с нашим сыном или дочерью крепости и дома на деревьях, играть в салочки, ходить на реку и ковыряться в песке, смеяться, возиться, рыбачить и так далее. Я учил бы своего ребенка свистеть, водить трактор, и да — я хотел бы присутствовать на его или ее свадьбе.

Очень хотел бы.

Осторожно приоткрыв сетчатую дверь-экран, я тихонько пробрался обратно в дом. На цыпочках я прошел по коридору (хотя половицы отчаянно скрипели), юркнул в свой «писательский кабинет», опустился на стул, плотно закрыл дверь и взял в руки карандаш. С потолка, сделанного из плотно пригнанных сосновых досок, свешивалась на проводе с разлохматившейся изоляцией единственная лампочка. От нее до моей головы было меньше фута.

На самом деле мой «кабинет» еще недавно был кладовкой — такой узкой, что при каждом неосторожном движении я задевал за стены локтями. Чтобы закрыть за собой дверь, мне приходилось придвигать стул вплотную к дальней стене. На ней сохранилось несколько полок, нижняя из которых служила мне письменным столом. Сейчас я облокотился на нее и подпер голову левой рукой. В правой я по-прежнему сжимал карандаш.